

2. Delaume, G. R. Public Debt and Sovereign Immunity: The Foreign Sovereign Immunity Act of 1976 [Electronic resource] // American Journal of International Law. — 1977. — Mode of access: <https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/067218182AF5695350B2DBCA0545EED7/S0002930000106426a.pdf/aji_volume_71_issue_3_cover_and_front_matter.pdf>. — Date of access: 03.09.2021.

3. Wood, P. R. Conflict of Laws and International Finance [Electronic resource] // Maxwell, London, 2007. — Mode of access: —<https://books.google.by/books?id=8Eiscpom_FAC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>. — Date of access: 04.09.2021.

4. Кравченко, О. И. Юрисдикционный иммунитет государства: абсолютный или ограниченный? [Электронный ресурс] / О. И. Кравченко // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 1998. — № 1. — Режим доступа: <<https://elib.bsu.by/handle/123456789/30401>>. — Дата доступа: 01.09.2021.

5. Wood, P. R. International Loans, Bonds, Guarantees, Legal Opinions [Electronic resource] // Sweet&Maxwell, London, 2007. — Mode of access: <<https://books.google.by/books?id=Lu3Hkc348loC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>>. — Date of access: 04.09.2021.

6. Sovereign Immunity: Consideration for Lenders [Electronic resource]. — Mode of access: <<https://www.fieldfisher.com/en/insights/sovereign-immunity-considerations-for-lenders>>. — Date of access: 04.09.2021.

7. Sweeny, J. M. The International Law of Sovereign Immunity: Policy Research Study [Electronic resource] // U. S. Department of State, 1964. — Mode of access: <<https://play.google.com/store/books/details?id=VTeQEpGEgmcC&rdid=book-VTeQEpGEgmcC&rdot=1>>. — Date of access: 04.09.2021.

8. Chapter 97 — Jurisdictional immunities of foreign states [Electronic resource]. — Mode of access: <<https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title28/part4/chapter97&edition=prelim>>. — Date of access: 24.08.2021.

9. State Immunity Act 1978 [Electronic resource]. — Mode of access: <<https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1978/33?view=plain>>. — Date of access: 24.08.2021.

НОРМАТИВНЫЕ ФОРМЫ И РОЛЬ ПРИНЦИПА НАИБОЛЕЕ ТЕСНОЙ СВЯЗИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

В. О. Павловский

Белорусский государственный университет,

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, vilen675@gmail.com

Методология принципа наиболее тесной связи основана на установлении причинно-следственной связи и анализа взаимодействия факторов трансграничного правоотношения. Современный механизм применения принципа под-

разумеает анализ материальных последствий при решении коллизионного вопроса, что предполагает применение гипотезы норм материального права, в основу которой положена материальная связь с конкретной правовой системой. Однако такой подход реализован лишь в наиболее современных правовых системах мира, где принцип наиболее тесной связи закреплён в качестве основного принципа международного частного права, в то время как в других юрисдикциях принцип играет существенную, но не основную роль. В данной статье автор привёл возможную классификацию принципа наиболее тесной связи с выделением трёх основных подходов, исходя из формы закрепления и функциональных свойств принципа наиболее тесной связи. Указанная классификация позволит системно анализировать принцип наиболее тесной связи в доктрине частноправовых исследований теории гибкого коллизионного регулирования.

Ключевые слова: принцип наиболее тесной связи; критерий наиболее тесной связи; коллизионные методы; принципы международного частного права; нормативные формы; институционализация принципа наиболее тесной связи; функции принципа наиболее тесной связи.

NORMATIVE FORMS AND THE ROLE OF THE CLOSEST CONNECTION PRINCIPLE IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

V. O. Pavlovski

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, vilen675@gmail.com

The methodology of the closest connection principle is based on the establishment of a causal link and the analysis of the interaction of factors in a cross-border legal relationship. The modern mechanism of the application of principle implies the analysis of material consequences in resolving a conflict issue, which implies the application of a hypothesis of substantive law norms based on a material connection with a particular legal system. However, this approach is implemented only in the most modern legal systems of the world, where the principle of the closest connection is enshrined as a basic principle of private international law, while in other jurisdictions the principle plays a significant, but not the main role. In this article the author has given a possible classification of the closest connection principle with the selection of three main approaches based on the form of fixation and functional properties of the closest connection principle. This classification will allow a systematic analysis of the closest connection principle in the doctrine of private law research theory of flexible conflict of laws regulation.

Key words: the closest connection principle; the closest connection criterion; conflict of laws methods; private international law principles; institutionalization of the closest connection principle; functions of the closest connection principle.

Принцип наиболее тесной связи является основополагающим коллизионным началом, определяющим содержание и условие применения коллизионных правообразующих факторов естественной и нормативной природы. В основу принципа положен метод сравнительного правоведения, основанный на гипотезе норм материального права, другими словами, для того, чтобы отыскать применимое право необходимо предвосхитить последствия того или иного принимаемого коллизионного решения в аспекте материальных последствий.

По мнению авторов О. Н. Садикова, Е. В. Кабатовой, коллизионный и последующий материальный результат, достигнутый с помощью принципа наиболее тесной связи, является закономерным итогом применения общего принципа международного частного права, в силу того, что тесная связь является юридико-техническим приемом, с одной стороны, и методом достижения цели правового регулирования, с другой стороны, в основу которой положена материальная связь правоотношения с конкретной правовой системой [1; 2]. Однако такой вывод (*о главенствующем значении принципа наиболее тесной связи*) необходимо делать на основе *анализа нормативной функции принципа и выполняемой роли в конкретной системе законодательства*. Для подтверждения тезиса следует проанализировать формы закрепления указанного принципа в различных правовых системах современности.

Принцип наиболее тесной связи в системе законодательства нормативно может быть закреплен в виде основного коллизионного начала, когда принцип наиболее тесной связи не вытекает из какой-либо коллизионной нормы и ее природы, а скорее наоборот, все коллизионные нормы презюмируются как выражение наиболее тесной связи. Такой широкий подход к закреплению принципа тесной связи имеют нормы гражданского законодательства Австрии, Швейцарии, Болгарии, штата Луизиана (ст. 1 п. 1 Федерального закона Австрии «О международном частном праве» 1978 г., ст. 15 п. 1 Федерального закона Швейцарии «О международном частном праве» 1987 г., ст. 107 (1) Кодекса международного частного права Болгарии 2005 г., в ст. 3515 Гражданского кодекса штата Луизиана 1825 г. (в редакции Закона 1991 г.)) [3, с. 133]. Иными словами, с позиции субъекта правоприменения и с позиции субъекта правотворчества принцип наиболее тесной связи может играть роль принципа формирования коллизионного решения, вне зависимости от положительного или отрицательного решения о применении той или иной коллизионной нормы к правоотношению, основанной на данном принципе.

В качестве субсидиарного коллизионного начала или остаточной презумпции определения применимого права в отношениях, ослож-

ненных иностранным элементом, при отсутствии соглашения сторон о выборе права, принцип наиболее тесной связи закреплен в отечественной правовой системе в п. 3 ст. 1093 Гражданского Кодекса Республики Беларусь 1998 г., п. 2 ст. 1084 Гражданского Кодекса Республики Казахстан 1994 г., ст. 1576 (1) Гражданского Кодекса Республики Молдова 2002 г., ст. 26 Кодекса международного частного права Туниса 1998 г. Указанные две формы — основного и резервного способа реализации принципа наиболее тесной связи — отражают и последующие подходы к определению функций и их нормативных форм закрепления принципа наиболее тесной связи в международном частном праве. (Например, Республика Беларусь, следуя принципу исторического континуитета, сохранила советский подход к формированию коллизионных норм, в частности, Раздел VII «Международное частное право» был заимствован из Модельного гражданского кодекса СНГ 1996 г., который базировался в целом на достижениях советского права, а именно на нормативно-правовом акте «Основы гражданского законодательства СССР» 1991 г., в котором не нашлось места для закрепления принципа наиболее тесной связи. Однако впоследствии, в Модельном гражданском кодексе СНГ в 1996 г., тесная связь отражена в качестве остаточного (субсидиарного) правила в целом для гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным элементом. Концепция тесной связи была заимствована из Римской конвенции 1980 г., посвященной договорным обязательствам. Однако с существенным понижением функциональной роли, и придание субсидиарной формы принципу наиболее тесной связи в Модельном гражданском кодексе СНГ 1996 г., такой подход основан на стремлении правотворца минимизировать субъективную составляющую данного принципа, которая не является традиционной для романской правовой системы. Субъективная составляющая имеет место в ст. 9 Межамериканской конвенции Мехико «О праве, применимом к международным контрактам» 1994 г., суд должен принять во внимание все объективные и субъективные элементы контракта (*objective and subjective elements of the contract*) для определения права страны, с которым он [контракт] имеет наиболее тесную связь (*theclosestties*).

Однако существует и смешанный нормативный подход к закреплению принципа наиболее тесной связи. Например, в законодательстве Российской Федерации, принцип наиболее тесной связи с субсидиарного механизма ко всем видам гражданско-правовых отношений, обрамился в главенствующий принцип определения применимого права в договорной сфере, причем за достаточно короткий срок, в период с 2005—2013 гг., когда существенно менялся подход к гражданско-право-

вому регулированию отношений, вытекающих из норм международного частного права в Российской Федерации. В целом принцип наиболее тесной связи имеет две конструкции в системе законодательства Российской Федерации. Первая — выражена в ст. 1186 Гражданского кодекса Российской Федерации 1994 г. (далее — ГК РФ) и подразумевает применение права, наиболее тесно связанного с гражданско-правовым статутом правоотношения; другая форма отражена в п. 9 ст. 1211, и п. 1 ст. 1213 ГК РФ, которые регулируют договорные обязательства. Однако в последних двух статьях имеется, во-первых, пояснение, какое право подлежит применению, во-вторых, что понимается под наиболее тесно связанным правом. Первый же вариант (ст. 1186 ГК РФ) просто указывает на применение тесной связи с гражданско-правовым отношением, что говорит о субсидиарной презумпции *adhoc*, тогда как второй вариант (ст. 1211 и ст. 1213 ГК РФ) отражает подход, согласно которому принцип наиболее тесной связи играет ключевую роль в механизме правоопределения. При этом российский суд установил систему ориентиров для субъектов правоприменения, отраженную в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», к применению п. 9 ст. 1211 части третьей ГК РФ, в котором субъект правоприменения обозначил две группы индикаторов связи. Первая группа посвящена территориальному (коллизийному) подходу, вторая выражена материально-правовыми требованиями, основными из них являются: *lex benignitatis*, стремление к *bona fide*, запрет использования шиканы, соблюдение принципа предпочтительности сохранения действительности сделки [4]. Указанные правовые ориентиры позволяют применять право той страны, которое позволит наилучшим образом реализовать общепризнанные принципы гражданского права и построения, отдельных его институтов. Таким образом, в Российской Федерации принцип наиболее тесной связи, с одной стороны, является субсидиарным механизмом широкого применения в отношении гражданско-правового статута, с другой стороны, основным коллизийным началом в узком кругу договорных правоотношений, осложненных иностранным элементом, при отсутствии соглашения сторон о применимом праве к их правоотношениям.

Как видно из представленного, принцип наиболее тесной связи имеет различные нормативные формы отражения, основой выделения которых является функциональная роль в конкретной правовой системе. Исходя из этого можно предположить, что в современном коллизийном регулировании реализуется три нормативные формы принципа наиболее

лее тесной связи: основная, субсидиарная и смешанная. Нормативные формы принципа наиболее тесной связи всецело зависят от выполняемой функциональной роли в конкретной юрисдикции, в свою очередь, именно функции принципа наиболее тесной связи иллюстрируют определенную закономерность применения общего или специального (сугубо коллизионного) принципа международного частного права. Поскольку принцип наиболее тесной связи выходит за рамки коллизионного метода, т. к. подразумевает анализ правоотношения не только по коллизионным признакам, но и с позиции гипотезы норм материального права, которая сводится к анализу последствий применения материальных (конкретных) норм права субъектом правоприменения. Таким образом, можно констатировать тот факт, что реализация тесной связи подразумевает применение общего принципа международного частного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шулаков, А. А. Формы установления принципа наиболее тесной связи в законодательстве и международных договорах [Электронный ресурс] // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2012. — № 4. — Режим доступа: <<https://cyberleninka.ru/article/n/formy-ustanovleniya-printsipa-naibolee-tesnoy-svyazi-v-zakonodatelstve-i-mezhdunarodnyh-dogovorah>>. — Дата доступа: 04.10.2021.
2. Шулаков, А. А. Современные подходы к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи в международном частном праве [Электронный ресурс] // LexRussica. — 2018. — № 1 (134). — Режим доступа: <<https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-raskrytiyu-soderzhaniya-printsipa-naibolee-tesnoy-svyazi-v-mezhdunarodnom-chastnom-prave>>. — Дата доступа: 04.10.2021.
3. Звеков, В. П. Коллизии законов в международном частном праве / В. П. Звеков. — М.: ВолтерсКлувер, 2007. — 416 с.
4. О применении норм международного частного права судами Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, 9 июля 2019 г., № 24 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — Минск, 2021.

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Д. С. Пономарева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, PonomarevaDS@bsu.by*

В связи с пандемией COVID-19 и иными вызовами современности более усиленное взаимодействие между государствами и иными субъектами между-